

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

НАЗАД В БУДУЩЕЕ

*Истории
о путешествиях
во времени*

Москва

ЭКСМО
2015

УДК 821.111-31
ББК 84(0)-44
Н19

Перевод с английского и чешского

Оформление серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

Назад в будущее. Истории о путешествиях во времени :
Н19 [перевод с английского]. — Москва : Эксмо, 2015. — 640 с. —
(Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-78963-4

Можно ли вмешаться в неумолимое течение времени, очутиться в далеком прошлом или отправиться на сотни лет вперед? Как изменить ход истории или заглянуть в завтрашний день? К теме путешествий во времени еще задолго до расцвета научной фантастики обращались такие признанные классики литературы, как Вашингтон Ирвинг и Чарльз Диккенс.

Невероятные приключения в средневековом прошлом и чудесные видения будущего — в сборнике о самых первых путешественниках во времени.

УДК 821.111-31
ББК 84(0)-44

- © Бобович А., перевод на русский язык.
Наследники, 2015
- © Озерская Т., перевод на русский язык.
Наследники, 2015
- © Беляева Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2015
- © Чуковский Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2015
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78963-4

ВАШИНГТОН ИРВИНГ
РИП ВАН ВИНКЛЬ

Посмертный труд
Дидриха Никербокера

Клянусь Вотаном, богом саксов,
Творцом среды (среда — Вотанов день),
Что правда — вещь, которую храню
До рокового дня, когда свалюсь
В могилу...¹

Карптайт

Всякий, кому приходилось подниматься вверх по Гудзону, помнит, конечно, Каатскильские горы. Эти дальние отроги великой семьи Аппалачей, вознесенные на внушительную высоту и господствующие над окружающей местностью, виднеются к западу от реки. Всякое время года, всякая перемена погоды, больше того — всякий час на протяжении дня вносят изменения в волшебную окраску и очертания этих гор, так что хозяйшкн — что ближние, то и дальние — смотрят на них как на безупречный барометр. Когда погода тиха и устойчива, они, одетые в пурпур и бирюзу, вычерчивают свои смелые контуры на прозрачном вечернем небе, но порою (хотя вокруг, куда ни глянь, все безоблачно) у их вершин собирается сизая шапка тумана, и в последних лучах заходящего солнца она горит и сияет, как венец славы.

У подножия этих сказочных гор путнику, вероятно, случалось видеть легкий дымок, выющийся над селением, гонтовые крыши которого просвечивают между деревьями

¹ Все встречающиеся в тексте стихи переведены Т. М. Казмичевой.

как раз там, где голубые тона предгорья переходят в яркую зелень расстилающейся перед ним местности. Это — старинная деревушка, основанная голландскими переселенцами еще в самую раннюю пору колонизации, в начале правления доброго Питера Стайвесанта (мир праху его!), и еще совсем недавно тут сохранялось несколько домиков, сложенных первыми колонистами из мелкого, вывезенного из Голландии желтого кирпича, с решетчатыми оконцами и флюгерами в виде петушков на гребнях островерхих крыш.

Вот в этой-то деревушке и в одном из таких домов (который, сказать по правде, порядком пострадал от времени и непогоды) в давние времена, тогда, когда этот край был британской провинцией, жил простой, добродушный малый по имени Рип Ван Винкль.

Он принадлежал к числу потомков тех самых Ван Винклей, которые с великою славою подвизались в рыцарственные дни Питера Стайвесанта и находились с ним при осаде форта Кристины. Воинственного характера своих предков он, впрочем, не унаследовал. Я заметил уже, что это был простой, добродушный малый; больше того, он был хороший сосед и покорный, забитый супруг. Последнему обстоятельству он и был обязан, по-видимому, той кротостью духа, которая снискала ему всеобщую любовь и широкую популярность, ибо наиболее услужливыми и покладистыми вне своего дома оказываются мужчины, привыкшие повиноваться вечно брюзжащим и бранящимся женам. Их нрав, пройдя через огненное горнило домашних невзгод, становится, вне всякого сомнения, гибким и податливым, ибо супружеские нахлобучки лучше всех проповедей на свете научают человека добродетели терпения и послушания. Вот почему сварливую жену в некоторых отношениях можно считать благословением неба, а раз так, Рип Ван Винкль был благословен трижды.

Как бы там ни было, но он, бесспорно, пользовался горячей симпатией всех деревенских хозяюшек, которые, согласно обыкновению прекрасного пола, во всех семейных

неурядицах Рипа неизменно становились на его сторону и, когда тараторили друг с другом по вечерам, не упускали случая взвалить всю вину на тетушку Ван Винкль. Даже деревенские ребяташки встречали его появление шумным и радостным гомоном. Он принимал участие в их забавах, мастерил им игрушки, учил запускать змея и катать шарики¹ и рассказывал нескончаемые истории про духов, ведьм и индейцев. Когда бы ни слонялся он по деревне, его постоянно окружала ватага ребят, цеплявшихся за полы его одежды, забиравших к нему на спину и безнаказанно учинявших тысячи шалостей; кстати, не было ни одной собаки в окрестностях, которой пришло бы в голову на него залаять.

Большим недостатком в характере Рипа было непреодолимое отвращение к труду. Это происходило, однако, не потому, что у него не хватало усидчивости или терпения, — ведь сидел же он сиднем, бывало, на мокром камне с удочкой, длинной и тяжелой, как татарская пика, и безропотно удил целыми днями даже в тех случаях, когда ни разу не клюнет; бродил же он часами с ружьем на плече по лесам и болотам, по горам и по долам, чтобы подстрелить нескольких белок или лесных голубей. Никогда не отказывался он пособить соседу даже в самой трудной работе и был первым, если в деревне принимались сообща лущить кукурузу или возводить каменные заборы; жительницы деревни привыкли обращаться к нему с различными поручениями или просьбами сделать для них какую-нибудь мелкую докучливую работу, взяться за которую не соглашались их менее покладистые мужья. Короче говоря, Рип охотно брался за чужие дела, но отнюдь не за свои собственные; исполнять обязанности отца семейства и содержать ферму в порядке представлялось ему невыносимым и невозможным.

Он заявлял, что обрабатывать его землю не стоит: это, мол, самый скверный участок в целом краю, все растет

---

¹ Речь идет о детской игре наподобие бабок.

на нем из рук вон плохо и всегда будет расти отвратительно, несмотря на все труды и усилия. Изгороди у него то и дело разваливались; корова неизменно умудрялась заблудиться или забредала в капусту; сорняки на его поле росли, конечно, быстрее, чем у кого бы то ни было; всякий раз, когда он собирался работать вне дома, начинал, как нарочно, лить дождь, и, хотя доставшаяся ему по наследству земля, сокращаясь акр за акром, превратилась в конце концов, благодаря его хозяйничанию, в узкую полоску картофеля и кукурузы, полоска эта была наихудшею в этих местах.

Дети его ходили такими оборванными и одичалыми, словно росли без родителей. Его сын Рип походил на отца, и по всему было видно, что вместе со старым платьем он унаследует и отцовский характер. Обычно он трусил мелкой рысцей, как жеребенок, по пятам матери, облаченный в старые отцовские, проношенные до дыр широченные штаны, которые с великим трудом придерживал одной рукой, подобно тому как нарядные дамы в дурную погоду подбирают шлейф своего платья.

Рип Ван Винкль тем не менее принадлежал к разряду тех вечно счастливых смертных, обладателей легкомысленного и беспечного нрава, которые живут не задумываясь, едят белый хлеб или черный, смотря по тому, какой легче добыть без труда и забот, и скорее готовы сидеть сложа руки и голодать, чем работать и жить в довольстве. Если бы Рип был предоставлен себе самому, он посвистывал бы в полное свое удовольствие на протяжении всей своей жизни, но, увы!.. супруга его жужжала ему без устали в уши, твердя об его лени, беспечности и о разорении, до которого он довел собственную семью. Утром, днем и ночью ее язык трещал без умолку и передышки: все, что бы ни сказал и что бы ни сделал ее супруг, вызывало поток домашнего красноречия. У Рипа был единственный способ отвечать на все проповеди подобного рода, и благодаря частому повторению это превратилось в привычку: он пожимал плечами, покачивал головой, возводил к небу глаза и упорно молчал. Впрочем, это влекло за собой новые залпы со стороны его неугомонной

супруги, и в конце концов ему приходилось отступать с поля сражения и скрываться за пределами дома — ведь только это и остается несчастному мужу, живущему под башмаком у жены.

Среди домашних единственным другом Рипа был пес по имени Волк — существо не менее подбашмачное, чем его бедняга-хозяин, — ибо госпожа Ван Винкль, считая, что они товарищи по лености и безделью, злобно косилась на Волка, видя в нем причину частых отлучек ее супруга. Волк же, в сущности говоря, обладал всеми чертами характера, которые полагается иметь честному псу: он не уступил бы в отваге ни одному зверю, рыскавшему в лесах, но какая отвага устоит перед нападками злого, вечно извергающего хулу женского языка! Стоило Волку переступить порог дома — и облик его сразу преображался: понурый, с опущенным в землю или зажатым меж ног хвостом, крался он с видом преступника, то и дело бросая косые взгляды на хозяйку Ван Винкль и при малейшем взмахе метлы или уполовника с воем и визгом кидаясь за дверь.

С годами семейная жизнь Рипа становилась все тягостнее. Дурной характер никогда не смягчается с возрастом, а острый язык — единственный из всех режущих инструментов, который не только не притупляется от постоянного употребления, но, напротив, становится все острее и острее. Будучи принужден частенько покидать домашний очаг, Рип мало-помалу привык находить отраду в посещении, так сказать, постоянного клуба мудрецов, философов и прочих деревенских бездельников. Клуб этот заседал на скамье у небольшого трактира, вывеской которому служил намалеванный красною краской портрет его королевского величества Георга III. Здесь просиживали они в холодке нескончаемый летний день, бесстрастно передавая друг другу деревенские сплетни или сонно пережевывая бесчисленные истории ни о чем. Впрочем, иным государственным деятелям стоило б выложить хорошие денежки, чтобы послушать глубокомысленные дискуссии, возникавшие порой между ними, когда какой-нибудь случайный проезжий снабжал

их старой газетой. С какою торжественностью внимали они тогда неторопливому чтению Деррика Ван Буммеля, школьного учителя, маленького и щегольски одетого ученого человечка, который, не запнувшись, мог произнести самое гигантское слово во всем словаре! С какою мудростью толковали они о событиях многомесячной давности!

Общественным мнением в этом высоком собрании управлял Николас Веддер, патриарх деревни и владелец трактира, у порога которого он восседал с утра до ночи, передвигаясь ровно на столько, сколько требовалось, чтобы укрыться от солнца и остаться в тени могучего дерева, так что соседи, наблюдая его движения, могли определять время с такую же точностью, как если бы перед ними были солнечные часы. Правда, голос его можно было услышать не часто, зато трубкой своей он дымил непрерывно. И все же его приверженцы (а у всех великих людей всегда бывают приверженцы) отлично понимали его и умели угадывать его мнения. Было замечено, что, если чтение или рассказ приходились ему не по вкусу, он начинал яростно попыхивать трубкой, выпуская изо рта частые, короткие и сердитые клубы дыма; если же, напротив, они ему нравились, он медлительно и спокойно затягивался и выпускал дым легкими, мирными облачками; время от времени, вынув изо рта трубку, он степенно кивал головой в знак полного одобрения, и тогда около его носа завивался ароматный дымок.

Но даже из этой твердыни бедный Рип был выбит в конце концов своею сварливой женой, которая не раз нарушала спокойствие и безмятежность достопочтенного сборища, ставя членов его ни во что и допекая их своими насмешками. Даже священную особу Николаса Веддера не пощадил дерзкий язык этой бешеной фурии, обвинявшей его во всеуслышанье в том, что он потворствует праздным наклонностям ее легкомысленного супруга.

Бедняга Рип был доведен, таким образом, почти до отчаяния; единственное, что ему оставалось, чтобы избавиться от работы на ферме и брани жены, — это взять в руки ружье

и отправиться бродить по лесам. Здесь присаживался он иногда к подножию дерева и делился содержимым своей охотничьей сумки с Волком, к которому испытывал сострадание, как к товарищу по несчастью. «Бедный Волк, — говаривал он в таких случаях, — твоя хозяйка устраивает тебе чертовски собачью жизнь? Ничего, приятель, пока я жив, есть кому за тебя постоять!» Волк помахивал хвостом, устремлял грустный взгляд на хозяина, и, если собаки способны сочувствовать людям, я и впрямь готов верить, что он от всего сердца отвечал Рипу взаимностью.

Как-то в погожий осенний день, совершая вылазку подобного рода, Рип неприметно для себя самого взобрался на одну из самых высоких вершин Каатскильских гор. Он предавался излюбленной им охоте на белок, и безлюдные горы отвечали многократным эхом на его выстрелы. Уже к вечеру, тяжело дыша от усталости, прилег он на зеленый, поросший горной травой бугор у самого края пропасти. Оттуда, сквозь просветы между деревьями, он видел обширную, тянувшуюся на многие мили равнину, покрытую густым лесом. Где-то внизу — там, далеко-далеко, — величаво и безмолвно катил свои воды могучий Гудзон (лишь изредка на его зеркальном лоне можно было заметить отражение багряного облачка или паруса медлительного, как бы застывшего на месте, суденышка), но и самый Гудзон терялся наконец в синеве дальних предгорий.

С противоположной стороны перед ним открывалась глубокая, зажатая горами лощина — дикая, пустынная, взерошенная, — дно которой, заваленное обломками нависших сверху утесов, было едва освещено отсветами лучей заходящего солнца. Рип лежал и задумчиво глядел на эту картину; наступал вечер; горы отбрасывали длинные синие тени, закрывая ими долины. Рип понял, что стемнеет гораздо раньше, чем он успеет достигнуть деревни, и, тяжело вздохнув, представил себе грозную встречу, уготованную ему госпожою Ван Винкль.

Вдруг, когда он собрался уже спускаться с горы, до него донесся издали окрик: «Рип Ван Винкль! Рип Ван Винкль!»

Рип взглянул во все стороны, но кругом никого не было, кроме вороны, направлявшей свой одинокий полет через горы. Он решил, что воображение обмануло его, и снова приготовился к спуску, как вдруг услышал тот же голос, отчетливо прозвучавший в тихом вечернем воздухе: «Рип Ван Винкль! Рип Ван Винкль!» В то же мгновение Волк ошепенился, зарычал, прижался к хозяину и замер, испуганно смотря вниз. Теперь и Рип проникся какой-то смутной тревогой; он устремил беспокойный взгляд в направлении, подсказанном ему Волком, и различил наконец причудливую фигуру какого-то человека, с усилием взбиравшегося на скалы и сгибавшегося под тяжестью ноши, которую он тащил на спине. Рип удивился, встретив человеческое существо в такой пустынной и обычно никем не посещаемой местности, но, решив, что это кто-нибудь из окрестных жителей, нуждающийся в его помощи, поспешил на зов и начал спускаться.

Приблизившись, он еще больше поразился странной наружности незнакомца. Перед ним стоял маленький коренастый старик с густою гривой волос и седой бородой. Одет он был по старинной голландской моде: в суконный камзол, перетянутый у пояса ремнем, и несколько пар штанов, причем верхние, необыкновенно широкие, были украшены сбоку рядами пуговиц, а у колен — бантами. Он тащил на плече изрядный бочонок, очевидно наполненный водкой, и подавал Рипу знаки, прося его приблизиться и помочь. Хотя Рип несколько оробел и не чувствовал особого доверия к незнакомцу, все же он со всегдашней готовностью откликнулся на его просьбу, и вот, помогая друг другу, они стали карабкаться вверх по промоине, представлявшей собой, очевидно, высохшее русло ручья.

Во время подъема Рип не раз слышал глухие удары, напоминавшие раскаты далекого грома. Они доносились, казалось, из глубокого, вытянутого в длину оврага, или, вернее, ущелья между высокими скалами; к нему-то и вела та неровная, усыпанная щебнем тропа, которою они шли. Рип на мгновение остановился и, рассудив, что это, должно

быть, отдаленный гул быстротечного грозового ливня, какой часто бывает в горах, тронулся дальше. Пройдя ущелье, они вышли в лошину, похожую на маленький амфитеатр. Ее со всех сторон окружали отвесные кручи, с краев которых свешивались ветви деревьев, так что снизу можно было увидеть лишь клочки лазурного неба или порою яркое вечернее облачко. За все это время ни Рип, ни его спутник не пророчили ни слова, и хотя первый ломал себе голову, чего ради тащить бочонок с водкой в дикие, пустынные горы, он так и не решился обратиться за разъяснением к старику, ибо в нем было что-то необыкновенное и непостижимое, внушавшее страх и исключавшее возможность сближения.

Добравшись до амфитеатра, Рип увидел немало достойного удивления. Посредине, на гладкой площадке, компания странных личностей резалась в кегли. На них было причудливое иноземное платье: одни — в кургузых куртках, другие в камзолах, с длинными ножами у пояса, и почти все в таких же необъятных штанах, какие были на проводнике Рипа. Но и помимо платья все в их наружности было необычайно: у одного — огромная голова, широкое лицо и крошечные свиные глазки; лицо другого (на нем был белый колпак, похожий на сахарную голову и украшенный красным петушьим перышком) состояло, казалось, из одного носа. У всех были бороды различной формы и различного цвета. Один из них был, по-видимому, начальником; на этом дюжем пожилом джентльмене с обветренным красным лицом был кафтан с галунами, широкий пояс и кортик, а также шляпа с высокой тульей и перьями, красные чулки и башмаки на высоченнейших каблуках, украшенные спереди пряжками. Вся группа в целом напомнила Рипу картину фламандского живописца в гостиной Ван Шайка, деревенского пастора, привезенную из Голландии еще первыми поселенцами.

Но вот что больше всего поразило Рипа: хотя эти ребята, судя по всему, развлекались от всего сердца, они удерживали на своих лицах неизменно суровое выражение и хранили таинственное молчание; никогда еще Рипу не доводилось

присутствовать при столь унылой забаве. Кроме стука шаров, который будил в горах громкое эхо, грохотавшее подобно громовым раскатам, ничто не нарушало безмолвия этой сцены.

Когда Рип со своим спутником подошли ближе, эти люди разом прервали игру, и каждый из них уставился на него упорным, как у изваяния, взглядом; их лица были такие странные, такие чужие, такие безжизненные, что у Рипа екнуло сердце и задрожали поджилки. Между тем его спутник стал разливать содержимое бочонка по большим кубкам и знаком показал Рипу, что их следует поднести играющим. Рип повиновался со страхом и дрожью; в глубоком молчании проглотили они напиток и вернулись к игре.

Мало-помалу Рип освоился с окружающим. Его страх и тревога прошли. Он осмелился даже — разумеется, лишь тогда, когда никто не глядел в его сторону, — отведать напитка и нашел, что по вкусу и запаху это отменная голландская водка. И так как по натуре своей он был вечно жаждущею душой, его вскоре стало томить искушение, не хлебнуть ли еще разочек. Но поскольку один глоток влечет за собой другие, он прихлебывал себе да прихлебывал, так что сознание его в конце концов затуманилось, голова стала тяжелой и опустилась на грудь, и он погрузился в глубокий сон.

Проснувшись, Рип увидел себя на том же зеленом бугре, с которого он впервые заметил вчерашнего старика из ущелья. Он протер глаза — было яркое, ясное утро. В кустах порхали и чирикали птички; кружа высоко в небе, парил орел, подставляя грудь чистому горному ветру. «Неужто, — подумал Рип, — я провел тут всю эту ночь?» Он припомнил все происшедшее с ним перед тем, как он задремал. Станный человек с бочонком голландской водки... овраг в горах... дикий уголок среди скал... унылая партия в кегли... кубок... «Ох, этот кубок, — подумал Рип, — этот проклятый кубок! Как же мне оправдаться перед госпожою Ван Винкль?»

Он осмотрелся, разыскивая свое ружье, но, вместо нового, отлично смазанного дробовика, нашел рядом с собою какой-то ветхий самопал; ствол был изъеден ржавчиною,

замок отвалился, червями источено ложе. Он заподозрил, что давешние суровые и немые гуляки, которых он встретил в горах, сыграли с ним шутку и, напоив водкой, подменили его ружье. Волк тоже исчез; впрочем, он мог заблудиться, погнавшись за куропаткою или белкой.

Рип свистнул и кликнул его по имени — все было напрасно. На его свист и крики многократно ответило эхо, собаки же нигде не было.

Он решил еще раз навестить место вчерашней вечерней забавы; если встретится кто-нибудь из игроков, он потребует с него ружье и собаку. Поднявшись на ноги, чтобы выполнить это намерение, он почувствовал ломоту в суставах и заметил, что ему недостает былой легкости и подвижности.

«Уж эти постели в горах; видать, они не для меня, — подумал Рип, — и если после такой прогулочки я схвачу ко всему еще ревматизм, попадет же мне от хозяйки Ван Винкль!» С трудом спустившись в овраг, он отыскал промоину, по которой вчера вечером поднимался со своим спутником в гору. К его изумлению, по ней теперь, пенясь, неся, перескакивая со скалы на скалу и оглашая овраг ревом и рокотом, бурный горный поток. Рип тем не менее стал карабкаться вверх вдоль его берега, и ему пришлось пробираться сквозь заросли лавра, березняка и лещинник, путаясь и по временам увязая среди густых лоз дикого винограда, который, цепляясь за деревья своими усиками и завитками, соткал на его пути своеобразную сеть.

Наконец добрался он до того места в ущелье, где между утесами должен был открыться проход в амфитеатр, но больше не было и следа такого прохода. Скалы вздымались отвесной непреодолимой стеной; сверху легкою полосой перистой пены неся поток, низвергавшийся в просторный водоем, глубокий и черный, укутанный тенью растущего вокруг леса. Здесь бедный Рип поневоле остановился. Он еще раз свистнул и позвал своего пса, но в ответ донеслось лишь карканье праздных ворон, кружившихся высоко в воздухе над сухим деревом, свисавшим в озаренную солнцем пропасть; вороны, чувствуя себя в безопасности — еще бы,